

Ольга Колпакова
ПОЛЫННАЯ ЁЛКА

Ольга Колпакова

Полынная ёлка

ИД "КомпасГид"

2017

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

Колпакова О. В.

Полынная ёлка / О. В. Колпакова — ИД "КомпасГид", 2017

ISBN 978-5-00083-178-6

Что делать, если ваша семья — вдали от дома, от всего привычного и родного, и перед Рождеством у вас нет даже ёлки? Можно нарядить ветку полыни: нарезать бахрому из старой изорванной книжки, наклеить из теста барашков, курочек, лошадок. Получится хоть и чёрно-бело, но очень красиво! Пятилетняя Марийхе знает: на тарелке под такой ёлкой утром обязательно найдётся подарок, ведь она весь год хорошо, почти хорошо себя вела. Рождество остаётся праздником всегда — даже на незнакомой сибирской земле, куда Марийхе с семьёй отправили с началом войны. Детская память сохраняет лишь обрывочные воспоминания, лишь фрагменты родительских объяснений о том, как и почему так произошло. Тяжёлая поступь истории приглушена, девочка едва слышит её — и запоминает тихие моменты радости, мгновения будничных огорчений, хрупкие образы, на первый взгляд ничего не говорящие об эпохе 1940-х. Марийхе, её сестры Мина и Лиля, их мама, тётя Юзефина с сыном Теодором, друзья и соседи по Ровнополю — русские немцы. И хотя они, как объяснял девочкам папа, «хорошие немцы», а не «фашисты», дальше жить в родных местах им запрещено: вдруг перейдут на сторону противника? Каким бы испытанием для семьи ни был переезд, справиться помогают добрые люди — такие есть в любой местности, в любом народе, в любое время. Автор книги Ольга Колпакова — известная детская писательница, создатель целой коллекции иллюстрированных энциклопедий. Повесть «Полынная ёлка» тоже познавательна: текст сопровождают подробные комментарии, которые поясняют контекст эпохи и суть исторических событий, упомянутых в книге. Для читателей среднего школьного возраста повесть станет и увлекательным чтением, побуждающим к сопереживанию, и внеклассным занятием по истории. Издание проиллюстрировал художник Сергей Ухач (Германия). Все иллюстрации выполнены в технике монотипии — это оттиск, сделанный с единственной печатной формы, изображение на которую наносилось вручную. Мягкие цвета и контуры повторяют настроение

книги, передают детскую веру в чудо, не истребимую никаким вихрем исторических перемен.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-178-6

© Колпакова О. В., 2017

© ИД "КомпасГид", 2017

Содержание

Время такое...	7
Полынная ёлка	9
Папин наказ	10
Почему мы уезжали	13
Что было с папой	15
Дорога	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Валериевна Колпакова

Полынная ёлка

© Колпакова О. В., текст, 2017

© Ухач С., иллюстрации (монотипии), 2017. Публикуется с согласия «RS Productions e.K.» (Jena, Thuringen, Deutschland)

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2017

Время такое... Вместо предисловия

Никто не любит предисловий. Читатель не любит их читать, а писатель – писать. Потому что это словно ты уже стоишь на опушке леса, на берегу интересной истории, а взрослые держат тебя за руку и объясняют, какие в лесу водятся звери, какие растения нельзя брать в рот и что кричать, когда заблудишься. Нет, хочется скорее туда, в таинственный, страшный лес, чтобы самому во всём разобраться.

Поэтому я не обижусь, если вы сначала прочитаете историю, а потом решите, нужно вам или нет перекинуться парой слов с автором. Если посчитаете, что нужно, возвращайтесь сюда, в начало.

А началось всё давно. Даже не в моем детстве, а когда Генриху было лет 13–14. Он сражался с волком. Была ночь. Волчара вцепился в жеребёнка сзади и тянул его к себе, а Генрих держал жеребёнка за голову и пытался втащить его к себе, в шалаш. Отпускать было нельзя. Ни за что. Волк был один, и Генрих был один. Волк был большой и голодный. А Генрих очень низкого роста, тощий и ещё более голодный. Удивительно, что фамилия у Генриха была Вольф, в переводе с немецкого – Волк. Все родные у мальчишки были очень далеко, а мама и вовсе умерла, поэтому никто не собирал ему на работу узелок с едой. Какая семья была у волка – никто никогда не узнает. Но для кого-то же он пытался украсть жеребёнка. Волк хотел есть, а Генрих хотел жить.

Оба тянули жеребёнка молча. Такая вот тихая схватка. Остальные жеребята и кобылы сбились в кучу и жалобно ржали. У Генриха не осталось сил звать на помощь, пальцы онемели. Надо было дотерпеть до рассвета. Чтобы выжить, надо было просто не разжимать пальцы и терпеть, и тогда, возможно, помощь придёт. Если сдашься, то за потерю колхозного имущества мальчишку ждала трудовая армия, а то и расстрел. Шла война.

Утром мимо проехал на коне местный колхозник с ружьем. Выстрелил – волк убежал. А Генриху пришлось ещё долго разжимать пальцы, чтобы отцепиться от жеребёнка.

Когда я для школьных сочинений и просто ради интереса спрашивала своего дедушку Андрея (так звать его было уже привычней, чем Генрих) о его детстве, о том, что пришлось пережить, о том, кто виноват в ужасах, что выпали на жизнь его поколения, он говорил нехотя, очень скупо, без подробностей, обид и обвинений, подводя черту под разговором: «Время было такое».

Дедушка умер рано – сердце не выдержало. Он был весёлым человеком, любил петь и плясать, всегда охотно играл и возился с ребятнёй, а своих детей и внуков называл «вы мои золотые». Его семья была первой в деревне, в которой немец женился на русской. Этому не радовались родные Генриха. Да и не все родные Екатерины смогли смириться.

Дети и внуки были главной ценностью и счастьем жизни интернациональной семьи. Если бы Генрих не молчал и не терпел, нас могло бы и не быть. Время было такое – опасно говорить правду, опасно делать то, что не одобрено партией. Наверное, дедушка и представить себе не мог, что я когда-то напишу эту книгу.

Но времена меняются. Только дедушку я расспросить уже не могу. Все подробности мне рассказывает моя бывшая учительница немецкого языка Мария Андреевна и её супруг. Они с Генрихом ехали в одном поезде, который увозил их из родных мест, жили в одном селе. Мария Андреевна – это Марийхе, героиня повести «Полынная ёлка». Она выжила, выросла, выучилась, помогала закладывать первый в селе сад с первыми в этом районе яблоневыми деревьями (тогда в предгорьях Алтая яблок не выращивали). В селе душевного человека и замечательного педагога любили и уважали. И только «начальство», бывало, портило жизнь.

Один из глупых местных руководителей пытался обвинить учительницу... в шпионаже. Другой пытался дать поручение – слушать и рассказывать, чем занимаются на религиозных собраниях местные немцы-лютеране. Третий запретил в Доме культуры концерт, который подготовила немецкая диаспора района. И семья Марийхе первая из местных немцев приняла решение эмигрировать в Германию. Тогда это требовало мужества. Никто не знал, будет ли возможность ещё когда-то увидеться с теми, кто остаётся в Советском союзе.

Мы долго говорим. Слушать – страшно. Представлять – ещё страшнее. Оправдать невозможно. Не знать – нельзя. Эти истории – словно протянутая из прошлого рука. Та, что поможет тебе в трудную минуту. Я чувствую её и в серьёзном, и в мелочах. Однажды меня высадили из поезда, что-то напутали с билетом. Я была готова разреваться от такой несправедливости, стоя на перроне в незнакомом городе, когда мои вещи спокойненько едут себе в купе в сторону дома. И... рассмеялась, вспомнив, как добирался домой без билетов, еды и документов, с подгоревшими ногами, один из моих героев. Он был мальчишкой и – смог. И теперь своей обожжённой рукой он словно встряхнул меня за шиворот или дал подбадривающий подзатыльник. Какой глупостью на этом фоне показались мне мои проблемы.

Я радуюсь каждому моменту жизни, несмотря на неприятности и на то или иное время. Время – оно проходит. А что-то внутри тебя остаётся навсегда. Просто, если трудно, нужно не разжимать пальцы и дотерпеть до утра.

Полынная ёлка

С благодарностью и любовью – Марии Андреевне и Геннадию Теодоровичу Фитц, решившим рассказать свои истории, а также Андрею Александровичу Вольфу, который всё помнил, но старался не рассказывать

Папин наказ

Последний раз я видела папу, когда он построил нас троих возле мамы и строгим тихим голосом давал наказ.

– Лиля, – начал он со старшей. Лиля через несколько дней должна была пойти в пятый класс. – Лиля, возьми свой любимый ранец и вытащи из него все книги. Все, все, даже самые интересные. И положи в него бутылочку с водой, вот этот пакетик сухариков и переодеться. Ещё положи записку – как тебя зовут, как маму зовут и наш адрес. И свой портфель ты нигде не оставляй! Всегда помни про него, держи его рядом.

Лиля сразу начала выполнять, что ей сказали. Хотя охотней она бы обошлась без сменной одежды. Лиля у нас отличница и книжница. Больше всего на свете она хотела стать учительницей. Мы с Миной и все наши соседские дети измучились с её игрой в школу. Особенно, конечно, Мина. Мина учиться не любила, она любила бегать, прыгать и играть. Ещё Мина умела драться, как мальчишка.

– Миночка. – Папа взял Мину за руки и повернул её к маме. – Мина, ты крепко-крепко за маму держись. Вот так за юбку держись и не отпускай. Никуда не убегай, в сторону не отходи. А если мама куда пойдёт, то ты с ней иди. Или за Лилю держись.

Мина сразу вцепилась в мамино платье. Миночке было семь лет. Ранца у неё ещё не было, и папа соорудил ей рюкзачок, куда тоже положили сухари. Рюкзак удобно висел на спине, и руки у Мины были свободны.

Мне рюкзачка не дали, и я приготовилась зареветь.

– Марийхе. – Папа поднял меня на руки, крепко прижал к себе, а потом передал маме. – Марийхе... Хелена, не спускай Марийхе с рук.

Я, конечно, люблю сидеть у мамы на руках. Но недавно я научилась здорово бегать и сидеть на руках совсем не хотела.

У мамы было растерянное лицо. Такое, как если мы с Миной убегали далеко играть, за ручей, к *Миусу*¹, или в соседнюю деревню к кузену и она нас долго не могла найти. Или такое, когда Лиля нас спрашивает: «Ну-ка отвечайте, сколько будет одна курица плюс ещё одна курица?» А мы ей: «Наваристый бульон!»

Так мы проводили папу до сельсовета. А потом за нами приехала подвода.

Я очень люблю кататься на коне! У нас и дома когда-то были Раздор и Шустрая. Только у нас их забрали. Уже давно. Тогда у всех лошадок забирали. А корову с телёнком родители отвели недавно сами и взамен получили справку. Хорошо, что кошка Мими осталась с нами! Мы взяли её с собой на подводу.

На нашей телеге было несколько больших узлов, коробка с маслом и фасолью, мешок с мукой, тюк с одеялами, наша старенькая бабушка и мы. Старенькая бабушка у нас очень-очень строгая. Но зато она плохо ходит, и мы легко можем от неё убежать, если она начинает нас ругать. Зовут её сразу двумя именами – Эмилия-Катерина. Раньше так было можно называть. У нас с Миной тоже, можно сказать, было по два имени. Когда взрослые сердились, то звали нас не Мина и Марийхе, а Вильгельмина и Мария. И бабушка в молитвах тоже нас так называла.

А Лиля всегда была Лиля.

Не только мы – все из нашего села ехали на станцию. Из соседней деревни, где живёт наш кузен Теодор, тоже все ехали. Теодор – драчун и грубиян. Он стреляет из рогатки по голубям и воробьям и называет нас малявками. Но сейчас он сидит тихо и не обзывается. Рядом с его повозкой бежит Рекс, Теодорова собака.

Мне было интересно и весело у мамы на коленях. Так далеко на тележке я пока не катаюсь, да ещё вместе с Мими.

Рекс немного рычит на Мими, и Мина прячет кошку под пальтишко.

Мы ехали долго, нам с Миной даже захотелось в туалет. Ещё бы, ведь на завтрак мама велела выпить по две полные кружки молока и доест сметану. Мими возилась под пальто у Миной и давила ей лапами на живот. Наверное, тоже хотела в туалет. Повозку остановили в уже сжатом поле, и мы побежали за копны.

---

¹ К словам, выделенным *курсивом*, написаны интересные комментарии в конце книги в главе «Как это было».

И тут Мими вырвалась и отправилась домой! Лиля с Миной звали, звали кошку, но она убежала всё дальше и дальше. Это потому, что папа не дал ей наказа всё время быть рядом с мамой! Теодор смотрел со своей повозки и ухмылялся, а Рекс лаял.

Сёстры заплакали, и я вместе с ними. Мими – умная кошка. Она старше нас с Миной, даже старше Лили. Но почему она так глупо поступила? Как она там будет жить одна? У кошек даже нет своего бога, чтобы он позаботился о ней.

Потом я вспомнила, что папы тоже с нами нет, и хотела заплакать сильнее, да только впереди была станция, и там стоял состав с огромными вагонами. Поезда я почему-то испугалась и заревела уже из-за него, а не из-за папы.

– Тихе, Марийхе, тихе, – говорила мне мама. – А то папа услышит и расстроится. Скажет: «Что это за рёва-корова и плохая девочка? А где же моя милая Марийхе?»

Тогда я поднажала, чтобы папа наверняка меня услышал. Тем более папа не наказывал мне не реветь.

Почему мы уезжали

Папу и многих остальных мужчин из нашей деревни забрали на войну. *Война* была уже совсем близко к *Ровнополю*. Однажды мы услышали взрывы. Мы заклеили окна в домах бумажными ленточками, чтобы стёкла никого не ранили, если вдруг окно разобьёт взрывом. А на ночь завешивали их покрывалом и одеялами, чтобы фашисты не увидели свет, и не поняли, что здесь есть люди, и не сбросили на нас бомбы с самолётов.

Мы с Миной не очень знали, что это за такая война. А Лиле мама с папой объяснили. На *Советский Союз* – страну, где мы живём, напала другая страна. Та страна, которая напала, называется Германия. В Германии живут немцы. Лилия ничего не поняла. Потому что мы тоже немцы. Наши мальчишки, конечно, иногда дерутся друг с другом, но взрослые-то не такие дураки! А ещё наши мальчишки иногда дерутся с мальчишками из других деревень. Рядом с нами, в хуторе через речку, живут хохлы. А с другой стороны – казачья слободка. Мальчишки говорят на разных языках, ходят в разные школы, но иногда вместе играют и дерутся. Потом они мирятся, собираются на пионерские слёты и спортивные соревнования, ходят строем и жгут костры. Лилия хотела бы стать *пионеркой*, тогда бы её тоже отпустили на пионерский костёр. Но бабушка ей не разрешала, потому что пионеры не должны верить в Бога.

Мама Лиле объяснила, что когда-то, давно-давно-давно – этого даже наша бабушка не помнит, – *немцы из Германии приехали в Россию*. И стали здесь жить. А потом – это уже не давно-давно-давно, а просто давно-давно (это бабушка помнит), – *Россия* стала Советским Союзом. Это самая огромная страна в мире. И в ней живёт много-много разных народов. Но больше всего русских. Немцев тоже много. А главный в стране – грузин *Сталин*.

Мы – немцы. Напали на нас тоже немцы. И всё потому, что у каждого народа есть люди плохие и хорошие, злые и добрые, жадные и щедрые. И плохих немцев все стали называть «фашисты». Так объяснил папа.

Лилия тогда очень радовалась, что наши предки когда-то давно-давно-давно уехали из Германии. Кто это, интересно, придумал? Как его звали? Может, это наш прапрапрадедушка? Он спас семью от голода, приехал туда, где дали землю. Теперь у нас и большой-большой дом, и сад, и огород, и хозяйство. А если бы остались в Германии, то вдруг тоже бы стали фашистами. Лиле не хочется быть плохой, злой немкой. Ей хочется быть самой доброй учительницей на свете.

Взрослые между собой очень тихо рассуждали: если фашисты пришли бы в Ровнополе, то, может, ничего и страшного? Они ведь тоже немцы, может, с ними бы договорились, стали бы вместе жить. Может, Сталин и Красная армия неправильно сделали, что приказали всем бросать свои дома и уезжать?

Всем было очень жалко бросать каменные красивые дома, с занавесками и мебелью. Всё с собой не увезёшь. И большую красивую супницу, и блюдо для пирогов с нарисованными поросятами. Всю посуду родители завернули в скатерти и простыни, сложили в ведро, а ведро спустили в колодец. А банку из-под кофе, в которой лежали обручальные кольца, мама просто забыла. Банка осталась на полке. И как мама могла забыть! Это очень плохая примета.

Женщины на вокзале плакали. Тётка Юзефина упала на свой узел и кричала:

– Нас увезут в *Сибирь*! Мы все там сгинем!

Теодор стоял рядом со своей мамой и молчал.

– В Сибири тоже люди живут, – сказала Лилия. – Там земля жирная, чёрная и всё хорошо растёт. Ещё там много леса.

Но тётка Юзефина всё плакала и плакала.

– Не плачь, – сказала я ей. – Дядя Альберт услышит, скажет: «Рёва-корова!»

– Идите отсюда, малявки, – крикнул на нас Теодор, – чтоб я вас не видел!

Но мы всё равно сели в один вагон.

– Подумаешь, не хочет видеть, пусть закроет глаза и не глядит, – сказала Мина.

Что было с папой

Наш папа, когда был маленький, жил в горах, на Кавказе. У Лили в учебнике есть картинка с Кавказом. Это такие красивые земли! Он рассказывал, какой вкусный виноград у них рос. А потом началась война. Не та, которая сейчас, а другая, *Первая*, в самом начале XX века. Но в ней тоже воевали немцы и ещё много других народов. Немцы за границей так плохо себя вели, начали войну. И за это немцам на Кавказе запретили говорить на немецком языке! И в школах тоже запретили на нём говорить. Но папе в школу и не пришлось идти, потому что на сёла и хутора стали нападать вовсе даже не плохие немцы, а чеченцы. Они нападали и на русские сёла, и на молдавские. Они убивали людей, грабили дома, сжигали посевы.

– Чеченцы плохие? – спрашивала Мина.

– Нет. Они как все. Есть плохие, есть хорошие, – отвечал папа. – А есть и плохие и хорошие сразу. Как Марийхе, которая прыгает в луже и вся замараётся. Или как Мина, которая дерётся с Теодором.

– Это Теодор вредный, он старший и нас задирает, – сказала Лиля.

А Лиля у нас никогда не была плохой. Она была доброй и справедливой.

Папин дом сгорел вместе с документами. Когда пришли русские, то взяли папу в плен, хотя он был ещё ребёнком. Потому что он не был жителем России.

– Русские – тупые! – сердилась Лиля. – Ведь документы были, но сгорели!

– Лиля, такое говорить нельзя! – грозила пальцем бабушка, но не очень строго.

– Что ты, что ты! – мама качала головой и сердилась на то, что папа рассказывает такие страшные истории дочерям.

– Русские – как все, – вздыхал папа.

Папу и ещё других ребят сковали цепью и погнали с Кавказа в Россию. И родителей их погнали. Родители у папы умерли, и он остался со старшими братьями. Папа вырос и женился на маме. А война и потом ещё *революция* закончились. И они стали много работать и жить хорошо.

Но бабушка злится на русских, совсем не желает учить русский язык и не ходит в сельский совет по делам. *Русские запретили церкви, запретили молиться Богу*, а это совсем не хорошо. Без этого можно жить на земле, но зато после смерти не попадёшь в Царствие Небесное. А бабушка туда очень хочет. А мы – не очень. Нам на земле тоже хорошо.

Может быть, немцам, которые остались в Германии, было не так хорошо на земле, как нам? Может быть, они были бедные, голодали и решили пойти отобрать еду и дома у других? Но ведь могли бы просто попросить, Лиля бы поделилась. Она всегда кормит всех собак, кошек, голубей и даже ласточек, что у нас в сарае. Или это *Гитлер* силой заставил фашистов пойти и завоевывать другие земли, мешать людям жить мирно?

На эту войну папу, дядю Альберта, дядю Генриха и многих других из нашего и соседних сёл забрали, чтобы они защищали от фашистов свои дома и всю советскую землю.

Они сели в поезд и проехали один день, но тут налетели фашистские самолёты и стали сбрасывать бомбы.

Весь эшелон разбомбили. Кто погиб – остались на месте. Кто живой – разбежались. А кто раненый – расплзлись.

Папа тоже пополз по полю. Его ранило в ногу. На поле стояли копны, и он спрятался. И дядя Альберт спрятался. Только папа плохо спрятался, раненую ногу было видно. Когда самолёты улетели, кто-то постучал ему по ботинку. Это были фашисты. Они собрали всех, кого нашли, и взяли в плен. А дядю Альберта не нашли. Он долго-долго сидел в копне. Потом дядя Альберт вылез и ночью стал красться домой, к тётке Юзефине. Он пришёл в Ровнополье,

но там уже никого не было. Дома стояли нараспашку, оставшиеся собаки выли. И везде ходили фашисты.

– Ты еврей! Или цыган! – сказали они дяде Альберту. У дяди Альберта большой нос и тёмные волосы. Но он немец. Просто вот таким он уродился. А Теодор у него самый обычный.

– Найн! – сказал дядя Альберт. Фашисты ему не поверили. Его заставили выкопать яму, поставили на краю и расстреляли. Потому что фашисты хотели не просто захватить весь мир, они хотели *убить всех евреев и цыган*.

Когда мы узнали эту историю, Лиле не у кого было спросить, хорошие или плохие евреи и цыгане.

Наш папа не был похож на еврея или цыгана. У него русые волосы и голубые, как небо, глаза. Всю войну он был в плену, проработал на ферме в Польше. После войны пани, хозяйка фермы, ему говорила: «Адольф, Адольф, не возвращайся в Советский Союз, ты никого не найдёшь, там тебя посадят в тюрьму!» Но папа не послушался и вернулся. Он не попал в тюрьму. Но он не стал нас разыскивать, а поселился в Казахстане с новой женой. И звали его теперь Анатолий.

Я думаю, папа наш был как все. И хороший, и плохой. Тот, который был до войны, был очень хороший. А тот, который после, – нет. А наша хорошая Лиля сказала:

– Лучше бы его убили!

– Бог с тобой! – всплеснула руками бабушка.

– Тогда бы он попал в Царствие Небесное, разве ты этого не хочешь? – дерзко ответила Лиля.

А мама просто плакала, узнав, что папа жив и у него теперь новая семья.

Если бы мама не забыла обручальные кольца, может, всё было бы по-другому. А может быть, нам тоже надо было дать папе наказ, чтобы он не забывал нас, чтобы любил нас всегда-всегда, даже если война, и возвращался домой. Но мы просто его обняли – и всё.

Дорога

В поезде мы ехали на нижней полке. А над нами была ещё полка и ещё. Мы отгородились простынёй, чтобы можно было ходить на горшок.

Вагон был без окон, но мужчины открывали дверь, и становилось светлее. С нами ехали чужие папы, которых не забрали на войну. Мы тогда думали, что им очень-очень повезло. И дяде Гансу, и дяде Якобу, и Карлу. Их жёны и дети были не такие грустные, как остальные в вагоне. Мужчины быстро бегали на станциях за водой, разводили на остановках костёр, чтобы сварить горячую кашу. Мама тоже бегала за водой и варила нам кашу. Но тогда мы оставались в вагоне с бабушкой. И мы с Миной начинали плакать, потому что не должны были отцепляться от мамы. Мы держались за Лилию и кричали до тех пор, пока мама не прибежала с горшком каши. Затем она опять убегала на улицу, чтобы забрать два горячих кирпича, на которых стоял горшок. А поезд мог в любую минуту уйти! В нашем вагоне так потерялся Вильгельм. Он был уже почти большой и побежал за водой для своей бабушки. Вильгельм не вернулся, и его больная бабушка так испугалась, что умерла. Её завернули в простыню и на станции вынесли из вагона.

– На всё воля Божья, – сказала наша бабушка.

Тётя Юзефина запретила Теодору бегать за водой, чтобы он не отстал, и делала это сама. Бегать ей было тяжело, она очень большая и тяжёлая. Даже гулять с Рексом она стала сама. Но однажды Рекс не дотерпел до остановки.

Он выпрыгнул из вагона, когда мужчины приоткрыли дверь. Мы долго слышали, как он скулил, и тоже скулили, хотя это не наша собака.

– Он побежит к Мими и расскажет ей, как катался на поезде, – пыталась утешить нас мама.

– Он попал под машину. Там, под мостом, дорога, – сказал Теодор и забрался на нарты под самый потолок. Там он неслышно плакал. Слезы падали сверху на край нашего одеяла.

Это было в тот же день, когда у Теодора расстреляли папу.

Мы ехали долго. Ходить по вагону было нельзя, потому что везде-везде сидели и лежали люди, и мы тоже сидели и играли в школу или в «наш дом». Очень часто мы играли в «последний день дома». Мы забивали кур, варили бульон, стряпали хлеб, собирали вещи, а те, которые не смогли забрать, прятали в колодец и на чердак.

Когда сестре надоело играть со мной в дом, мы играли в «Спящую красавицу». Мина ложилась и закрывала глаза. А я должна была приносить ей выдуманные сладости на выдуманном подносе или обмахивать веером из умывальной тряпочки. Принца у нас не было, поэтому Мину никто не целовал и она засыпала по-настоящему.

Утром мы не умывались. Мама вытирала нам лица влажной тряпочкой.

Лиля рассказывала истории из учебников. Оказывается, в Сибири реки куда больше, чем наш Миус. И города больше Таганрога и Ростова-на-Дону. Там растут такие же берёзы, как у нас, а ещё лиственницы и пихты. Таких деревьев я никогда не видела.

– В Сибири есть *Алтай*, он на Швейцарию похож, – добавляла Лиля. Хотя Швейцарию тоже никто из нас не видел, все удивлялись.

Мама мне тихо-тихо, на ухо, пела. Тётя Юзефина плакала, потому что не знала, как же она будет теперь жить, потому что, хотя и похоже на Швейцарию, но это же конец света.

– Господь поможет, – утешала её наша бабушка. – Он и для нас место найдёт, а нет – так погрём, не мы первые, не мы последние.

Теодор молчал.

Оказалось, мы ехали не просто долго, а долго-долго. Потому что, когда мы приехали, я разучилась бегать. Ноги были как ватные. У меня дома осталась такая большая кукла – вся, кроме головы, из тряпочек и ваты, и она могла только сидеть. Ой, как мне захотелось сюда мою Юстину!

Мама вынесли меня из вагона на руках. Мина крепко держалась за её юбку. Лиля и бабушка следили за нашими узлами. Перенести мы их никуда не могли. Просто скатили с поезда под откос. Мама завернула нас в одеяло, мы легли на землю и уснули. Был октябрь. Утром мы помогли маме оторвать примёрзшую косу от земли.

За нами опять приехали повозки. Мы ехали два дня. Дедушка, который управлял лошадью, всё время хотел с нами поговорить, но это было непросто. Он не умел говорить по-немецки, а мы плохо понимали по-русски. Только Лиля объяснила ему, что мы советские немцы. Что наш папа воюет с фашистами. Он тоже стал рассказывать коротко, чтобы мы сразу выучили: это Сибирь, это село Берёзовка, а сам он – дед Ваня по фамилии Дедов, а бабка у него не Бабкина, как мы могли подумать, а тоже Дедова бабушка Надя. И сын у него на войне, а больше никого нету, только пчёлы да овечка. А вот эта лошадь, Рыжуха, она *колхозная*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.